

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 10
volume 10**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»
Санкт-Петербург
2002**

О НЕРЕАЛИЗОВАННЫХ НАУЧНЫХ ПЛАНАХ АКАДЕМИКА А. Н. САМОЙЛОВИЧА (по архивным данным)

Г. Ф. Благова
Институт языкознания РАН
Москва

В своей многогранной научной деятельности А. Н. Самойлович традиционно (для востоковедения) и гармонически сочетал изучение современных тюркских языков, старописьменных литературных языков, истории литератур тюркских народов Средней Азии с текстологической работой и эдиционной практикой, а также с изучением фольклора и этнографии. Его учитель В. В. Бартольд, чьим ближайшим соратником и единомышленником он впоследствии стал, писал о нем: «А. Н. Самойловичу больше многих других русских востоковедов приходилось работать "в поле", добывать новый материал и изучать современную жизнь; но в то же время им не забывались основные задачи тюркологии вообще — русской тюркологии в частности — в области изучения прошлого» (цит. по: [1. С. 3]) (здесь и ниже сохранена терминология, употреблявшаяся до 30-х гг. XX в.: *тюркология* вместо *тюркология*, *турецкий* вместо *тюркский*).

О своем пристрастии к полевым разысканиям Самойлович писал В. В. Бартольду: «Мне полезнее находиться на Востоке, чем на Вас[ильевском] Острове» (22.I.1921) [2]. О своем умении быстро устанавливать дружественные контакты с информантами, об увлеченности тюркологией ученый сообщал В. А. Гордлевскому (22.X.1912): «...здесь у меня нет вовсе друзей, которых наоборот так скоро нахожу, втираясь в мусульманскую среду. Питерскую жизнь приходится скрашивать воспоминаниями о летних скитаниях, во время которых имеешь возможность жить сердцем» ([3. С. 90], ср.: [4. С. 88]).

Предлагаемая статья строится на богатейших архивных материалах академика А. Н. Самойловича (РО РНБ и СПбФ АРАН), в значительной своей части описанных в 1966 г. Л. В. Дмитриевой. Директор Института востоковедения АН СССР в 1934—1938 гг., ученый был репрессирован и расстрелян 13 февраля 1938 г. [5]. Мы использовали также эпистолярные материалы из длительной (1906—1929) переписки А. Н. Самойловича и В. В. Бартольда, Самойловича и В. А. Гордлевского. О богатстве архивного фонда Самойловича свидетельствует тот факт, что в 1925 г. сам он писал о своем «обширном архиве... за-

конченных и незаконченных работ-рукописей» [6. С. 3]; в письме же от 31.X.1931 г. сообщает В. А. Гордлевскому, что работы его «за последнее время... выходят все реже и реже» [3. С. 91].

Учитель Самойловича лингвист-тюрколог П. М. Мелиоранский помог своему ученику глубоко овладеть основами и методом современной им теории общего языкознания, привил стремление к изучению, с одной стороны, тюркских живых народных говоров, а с другой — языка различных письменных памятников, видя в их совокупности важнейший из источников сравнительно-исторической грамматики тюркских языков. Многочисленные письма Мелиоранского, адресованные талантливому ученику, хранятся в СПбФ АРАН (ф. 782, оп. 2, ед. хр. № 28) и свидетельствуют о повседневной заботе учителя, готового и «потолковать о делах» его, и «заняться разбором трудных киргизских текстов» вместе с ним. Письмо же от 27.VII.1902 г. с сохранившимся конвертом («г. Асхабад. Почтовая контора. Студенту Императорского СПбургского университета А. Самойловичу до востребования») представляет собой настоящее руководство для проведения полевого обследования неизученных туркменских диалектов. Ученик старательно и скрупулезно выполнил наставления своего учителя. И недаром И. Ю. Крачковский в письме от 23.VII.1905 г. назвал Самойловича «великим туркменистом» (РО РНБ, ф. 671, ед. хр. № 209).

А. Н. Самойлович стоял на позициях сравнительно-исторического языкознания и использовал сравнительно-исторический метод как в лингвистических, так и в этнографических исследованиях. К такому выводу, аргументированному детальным разбором взглядов ученого, пришли современные языковеды В. Д. Аракин [7], К. М. Мусаев [8], Д. М. Насилов [9] и этнограф С. М. Абрамзон [10], проанализировавшие научное наследие Самойловича; этот вывод подкрепляется также архивными данными.

Одержимый страстью к овладению новым материалом в избранных им областях знания, блестяще эрудированный, одаренный живой и острой теоретической мыслью, ученый обладал редкой способностью, фиксируя новые филологические факты, тут же глубоко осмыслять их и, систематизируя, обобщая их, формулировать принципиально новые научные проблемы и темы, строить масштабные исследовательские планы, конкретизировать эти планы в виде научных программ и быстро находить им практическое применение.

Замыслы ученого были весьма перспективными, он призывал тюркологов «обрабатывать свое собственное поле, чтобы наилучшим образом подготовить почву для сравнительных работ более широкого алтайского, урало-алтайского и т. д. масштабов» [11. С. 156].

А. Н. Самойловичу принадлежит инициатива сравнительно-семиологического и сравнительно-исторического изучения ряда лексико-семантических групп (см.: [8]). Это известные его статьи о тюркских числительных [11], о названиях дней недели (1923; 1925), о выражении понятий «богатый — бедный» [12]. Сюда же относится его незавершенная статья «Слово "рука" в языках тюркской системы» (10 рукописных листов, без даты; РНБ, ф. 671, разр. IV, ед. хр. № 122).

С целью коллективного сравнительно-семасиологического обследования тюркской лексики им была предложена специальная программа, а именно: выяснение различных, больших или малых, оттенков в значениях многочисленных тюркских, арабских, персидских, арабско-персидских и иных слов в различных языках тюркской системы в разные исторические эпохи, полный подбор этих слов — совершенно необходимая работа, которая «должна быть проделана преимущественно на местах силами отдельных национальных научных работников и научно-исследовательских учреждений при составлении полных, "академических" толковых словарей родного языка или в специальных исследованиях» [12. С. 66].

Ученым была также намечена программа для коллективного изучения тюркской антропонимии («составлять полные алфавитные списки с подробными указаниями, в каких случаях, в какую историческую эпоху, кому и почему давалось и дается данное имя» [13. С. 299]). Сам он собирал тюркские личные имена систематически на протяжении почти всей своей научной жизни, его картотека насчитывала более тысячи туркменских и ногайских имен [10. С. 189]. Самойлович надеялся, что коллективными усилиями можно будет «произвести весьма интересное в культурно-историческом отношении сравнительное исследование личных имен всего турецкого народа» [13. С. 299].

Замыслы создания сравнительной лексикологии тюркских языков им не были реализованы.

А. Н. Самойлович замышлял новаторскую для тюркологии своего времени работу — «Люди и природа в глазах туркмена» (РНБ, ф. 671, ед. хр. № 118: черновые материалы к статье. Автограф, карандашом. Б. д. 59 л.). Цель работы — показать, как в туркменском языке и в туркменских загадках отражается видение мира туркменским народом. Сохранился развернутый исследовательский план: «А. Люди и природа в глазах туркмена. I. Человек в а) анатомическом и б) физиологическом отн[ошении]. II. [2 слова нрзб.] для человека природа и ее явления: а) небо и земля, б) растения, в) животные, а-α) неб[есные] светила; а-β) возд[ушные] явления; а-γ) земля—огонь—вода; а-δ) деление времени; в-α) мелкие звери; β) птицы дикие; γ) гады, рыбы; δ) насекомые. Б. Туркмен о себе. I. Духовная культура: а) религия; б) поверья; в) письменн[ость]; г) язык; д) развлеч[ения]: α) музыка; β) курение. II. Материальная культура: а) жилище; б) пища; в) постель, одежда, ее приготовление, обувь и принадлежности туалета; г) орудие; д) скот и птица; е) земледел[ие]; ж) ремесла и прочее; з) пути и средства общения» (ед. хр. 118, л. 1). Загадки занимают л. 2—31.

Не удалось ученому осуществить и намерение «сосредоточиться на работе по сравнительной грамматике турецких языков», хотя необходимые, с его точки зрения, заделы были им подготовлены: опубликованы грамматика крымско-татарского языка (1916) и грамматика современного османско-турецкого языка [6]; была уже написана узбекская грамматика, которую он собирался печатать [14]; обо всем этом — в

письме Бартольду от 4.VII.1925 г. Кроме того, ученый занимался общей классификацией тюркских языков, вырабатывая ее критерии на основе результатов сравнительно-исторического изучения этих языков, достигнутых в первой четверти XX в. (подробно см.: [9]).

В 20-е годы государственный масштаб задач языкового строительства, развернувшегося в стране, значительно потеснил личные научные замыслы А. Н. Самойловича, надолго отодвинув на задний план лингвоисторическую проблематику, и затормозил их осуществление. Ученый принимал активное участие в обсуждении и разрешении проблем латинизации алфавита для тюркских языков, уделяя особое внимание разработке теоретических основ новой письменности, был он привлечен и к дипломатической работе [15. С. 129]. По его словам (письмо В. В. Бартольду от 22.I.1921 г.), он ухватился «за возможность живой деятельности в Малой Азии, но в результате... застрял в Москве».

Много сил и времени отнимала также научно-педагогическая и научно-организаторская деятельность, осознаваемая А. Н. Самойловичем как жизненно необходимая, такая, без которой невозможно реализовать свои творческие планы. Он писал: «...теперь, ознакомившись ближе с запросами к нам на местах, я начал чувствовать, что мы — ленинградцы должны поспешить с пополнением наших турковедческих сил, ибо наличным силам не справиться одним с той массой работы, которая возлагается советской эпохой на советского турковеда, действующего в научном центре страны» (письмо к В. В. Бартольду от 20.VIII.1927 г.).

Занимаясь ответственной научно-организационной деятельностью, А. Н. Самойлович придерживался глубоко нравственных принципов, изложенных им в черновом автографе «Записки в защиту В. В. Радлова против выступлений Банга»: «Никто не может считать себя свободным от проявления человеческой слабости в виде недостаточно сдержанного и беспристрастного отношения к недостаткам и ошибкам других, хотя каждый должен всемерно стремиться охранять и поддерживать добрые, доверчивые и дружественные отношения в семье ученых работников без различия, конечно, национальностей и рангов» (РНБ, ф. 671, разр. IV, ед. хр. 152, л. 16).

«Сквозной» темой А. Н. Самойловича и в эти годы продолжает оставаться история среднеазиатско-тюркской литературы и история соответствующих литературных языков. Неустанно разыскивая в своих поездках на Восток рукописи известных и прежде неведомых авторов, А. Н. Самойлович своими публикациями вводит вновь найденные тексты в научный оборот. Не только в нашей стране, но и за рубежом Самойлович считался одним из лучших знатоков среднеазиатско-тюркских манускриптов. Им были сформулированы три принципиальных условия, без выполнения которых не могут быть осуществлены ни научный перевод, ни лингвистическое комментирование средневеково-тюркского литературного памятника — как правило, при отсутствии его критического текста. Эти условия суть: 1) знание языка памятника во всех деталях, тонкостях, использование фундаментальных словарей, как, например, «Опыт словаря тюркских языков» В. В. Радлова; 2) пред-

варительная серьезная текстологическая работа над имеющимися списками; 3) широкое и всестороннее знакомство с литературой — исторической, историко-географической, этнографической (восточной, европейской, российской) (подробно см.: [16. С. 75]). По поводу осуществленного Неджиб Асимом издания средневекового тюркского текста XII в., в котором эти условия не были соблюдены, Самойлович пишет, что «лингвистический комментарий и османский перевод Неджиб Асима богаты преинтересными курьезами» (письмо В. В. Бартольду от 20.XI.1923 г.). Об огромной работе, проделанной ученым в области изучения тюркских литературных памятников и их языка, может свидетельствовать их длинный перечень (приведен в: [17. С. 62]).

Ближайшие задачи тюрколога в области изучения истории среднеазиатско-тюркской литературы и истории соответствующих литературных языков А. Н. Самойлович видел «1) в опубликовании и переводе неизданных памятников и во всестороннем обследовании их, 2) в детальном обследовании уже изданных и переведенных памятников, 3) в составлении, на основании накопившегося материала, предварительных сводных работ историко-литературного, грамматического и словарного характера, в виде "Опытов"» [18. С. XIV].

Одну из таких сводных работ А. Н. Самойлович выполнил еще в 1914 г. Это туркменская историческая поэма «Книга рассказов о битвах текинцев» Абду-с-Саттар казы, которую ученый издал, перевел, снабдил комментариями и обширным многоплановым исследованием, скромно названным «Введением» [18].

В его планы входило создание еще, по крайней мере, двух таких сводных работ. Во-первых, это «Грамматика чагатайского языка»: она представлена 174 рукописными листами (и полулистами) неравномерного заполнения, без даты (РНБ).

Во-вторых, это объемистая рукопись подготовленной, но не вполне еще законченной книги «"Турецкие этюды". Исследование по истории среднеазиатско-турецких литератур и языков» (более 846 рукописных листов, 1917—1918 гг.; РНБ, ф. 671. разр. IV, ед. хр. № 100). По мысли автора, этой большой книгой должен был быть подведен итог его работы над изданием, переводом и исследованием «Сборника стихотворений императора Бабура». На самом же деле Самойлович занимался исследованием всего известного тогда творческого наследия этого величайшего писателя тюркского средневековья. В архиве сохранился черновик, содержащий не только тексты стихов Бабура (как известно эти тексты были опубликованы Самойловичем), но также огромное количество его неизданных переводов этих стихотворений. Кроме того, имеется заготовка к работе «Наставление Бабура сыну» — это переписанное Самойловичем стихотворное сочинение Бабура «Мубайн» этико-правоведческого содержания. И наконец, многолетняя работа ученого над главным сочинением Бабура — его Записками, или «Бабурнаме», представлена его рецензией на английский перевод Записок [19] и тремя пачками выписок и заметок, носящих самый разный характер — лингвистический, текстологический, литературоведческий,

этнографический. В силу сложившихся трагических обстоятельств — ареста и расстрела Самойловича — эти три пачки выписок оказались не только в разных архивах, но и в разных описях внутри одного архива. Уже это обстоятельство частично как бы скрывает работу Самойловича над «Бабур-наме» от глаз нашего современника, знакомящегося с архивом ученого (так, например, случилось с Л. В. Дмитриевой, которая первой описала рукописные материалы Самойловича [20]).

В результате тщательных разысканий Самойловичем было установлено, какие стихотворения из «Дивана» воспроизведены в «Бабур-наме», т. е. было положено начало изучению истории создания средневекового сочинения.

Работая над переводом стихотворений Бабура, Самойлович стремился постичь (как мы бы теперь сказали) макроправила не только стихотворного текста, но и прозаического «Бабур-наме», язык и стиль, конкретное слово- и формоупотребление в языке писателя. Названное сочинение глубоко изучалось Самойловичем также в отношении как текстологии, так и перевода его ([18]; см. также: [20]). Занятия А. Н. Самойловича по исследованию текстов Бабура во время летнего отпуска 1915 г., проведенного в Териоки, в частности, увековечены шутивным четверостишием В. В. Бартольда: «Под финским небом хмурым / Нашел и я приют. / Сижу хоть не с Бабуром / В тоске по корректурам, / Которых все не шлют» (из письма А. Н. Самойловичу от 3/15. VI.1915 г.; СПбФ АРАН, ф. 782, оп. 1, ед. хр. № 35).

Бесценные для исторической тюркологии, хотя и не доведенные до конца, исследования ученого вовремя не были введены в научный оборот; ушли из жизни свидетели, знавшие об этом подвижническом труде Самойловича, само его имя на десятилетия было предано забвению. И вот уже сложилось представление, что со второй половины XIX в. до середины XX в., т. е. почти столетие, сочинение «Бабур-наме» якобы не привлекало к себе внимание отечественных тюркологов и центр бабуроведения будто бы переместился в Великобританию.

Стоит, однако, вернуться к незавершенной рукописной книге Самойловича «Турецкие этюды», как становится очевидной несостоятельность подобных мнений. В вводной части книги дается общее представление «о среднеазиатско-турецкой литературе мусульманской эпохи» и о ее периодизации, о поэзии среднего (чагатайского) периода, представителем которого является Бабур. Подчеркивая, что фундаментального труда о Бабуре как «центральной фигуре восточного Ренессанса» еще не появилось и что «особенно слабо освещена в литературе деятельность Бабура как писателя», А. Н. Самойлович стремился «дать сводку данным о литературных трудах индийского императора и набросать в кратких чертах их общую характеристику» (раздел «Император Бабур как писатель») [22].

Главная часть книги посвящена анализу языка стихотворных произведений Бабура. И вводная и главная части богато иллюстрированы стихотворными фрагментами, что наводит на мысль: книга, по замыс-

лу автора, должна была, видимо, использоваться и как хрестоматия в научно-педагогических целях. Именно в «Турецких этюдах» (л. 846 и след.) заложены основы той периодизации истории литературных тюркских языков, которая впоследствии будет развернуто представлена в теоретической статье А. Н. Самойловича «К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка» [23].

Одним из первых в тюркологии Самойлович поставил сложный вопрос о диалектной основе литературных тюркских языков в домонгольский и послемонгольский периоды — этому посвящена его незавершенная статья 1918 г. «Общий взгляд на возникновение и развитие мусульманско-турецких литературных языков в связи с разговорными наречиями» (опубликована Д. М. Насиловым в 1973 г. [24]).

В условиях тоталитаризма запрет, наложенный идеологами Узбекской ССР на термин «чагатайский», неминуемо распространился на отечественную тюркологию в целом. Центральная же фигура «Турецких этюдов» — император Бабур, завоеватель Хиндустана — с позиций теории обострения классовой борьбы в те годы не могла не вызывать отрицательного к себе отношения. Тем самым была предрешена судьба и «Грамматики чагатайского языка», и «Турецких этюдов»: они остались в архиве.

Давний интерес А. Н. Самойловича к истории туркменской литературы (в 1929 г. был опубликован его «Очерк по истории туркменской литературы», охватывающий период от ее зарождения до XIX в. [25]) гармонически соединялся в нем с разработкой проблем исторического развития туркменского литературного языка: доклад под таким названием (1936) хранится в Центральном государственном архиве Туркменистана и содержит программу изучения «вопросов истории, фонетики, морфологии и лексики литературного туркменского языка» (цит. по: [26. С. 74]).

Но для осуществления намеченной программы у А. Н. Самойловича оставалось слишком мало времени (с мая 1936 г. по февраль 1938 г.). Человеку не суждено наперед знать своей судьбы. И ученый был полон надежд — казалось, перед ним открыты новые перспективы развития востоковедения и тюркологии. Он писал: «...у нас востоковедная жизнь — для меня по крайней мере и моих единомышленников — становится с каждым годом интереснее и привлекательнее. Новое востоковедение, живое и широкое — уже не мечта, а факт, правда, еще в начале своего развития. И для меня предвидится сокращение организационной деятельности и усиление снова работы научно-исследовательской. Чувствую себя не стариком, а студентом или аспирантом, что же может быть счастливее такого самочувствия» (письмо В. А. Гордлевскому от 31.XII.1931 г. [3. С. 92]).

В заключение необходимо остановиться на судьбе архивного наследия репрессированного академика. Большая часть его, видимо, забранная чекистами во время ареста А. Н. Самойловича, оставалась в недрах НКВД и впоследствии была передана в РО ГПБ им. Салтыкова-Щедрина (в настоящее время РНБ).

Другая же часть материалов Самойловича, уцелевшая при аресте и хранившаяся в архиве Института востоковедения АН СССР (позднее ЛО ИВ АН СССР), в 1950 г. была передана в ЛО Архива АН СССР вместе с фондами других академиков-востоковедов. Сделано это было в соответствии с распоряжением Президиума АН СССР (от 1949 г.) относительно архивных фондов академиков.

В результате вышеизложенного обстоятельства архивное наследие академика А. Н. Самойловича до сих пор разбито на две неравноценные части, и даже единый по своей сути материал (многочисленные выписки из «Бабур-наме» по казанскому изданию) оказался разобценным и представлен в двух архивохранилищах тремя самостоятельными единицами хранения. Две единицы хранения находятся в РНБ: I) ф. 671, разр. II («Материалы служебной и общественной деятельности»), ед. хр. № 74 (выписки к с. 1—98); II) ф. 671, разр. IV («Работы А. Н. Самойловича»), ед. хр. № 85 (выписки к с. 98—257).

Третья единица хранения, входящая в эту серию выписок, находится в СПбФ АРАН — ф. 782, оп. 1, ед. хр. № 16. Содержание этой единицы хранения фактически не представлено в ее описании: это название книги, по которой в течение двух десятилетий ученым делались выписки, — казанское издание «Бабур-наме» (1857); в описании ничего не говорится ни о многочисленных выписках из книги, к ней приложенных, ни о пометах и примечаниях А. Н. Самойловича на страницах книги.

Таким образом, очевидно: вся эта серия выписок вместе с казанским изданием «Бабур-наме», над которым Самойлович работал целых два десятилетия (издание принадлежало П. М. Мелиоранскому и было передано учителем своему ученику, по всей вероятности, ранее 1900 г.), составляет единый массив материала, представляющего собой непреходящую ценность для истории изучения этого замечательного памятника в России XX—XXI в.

Настала пора поставить вопрос, во-первых, об объединении трех названных единиц хранения (№ 74 и 85 в РНБ и № 16 в СПбФ АРАН) в одну серию; во-вторых — более широко — о воссоединении ныне разрозненных частей архива А. Н. Самойловича в одно цельное собрание.

Примечания

1. Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
2. Письма А. Н. Самойловича В. В. Бартольду хранятся в фонде В. В. Бартольда: СПбФ АРАН, ф. 68, оп. 2, ед. хр. № 219.
3. Баскаков Н. А. А. Н. Самойлович в письмах к В. А. Гордлевскому // Сов. тюркология (далее: СТ). 1973. № 5 (Н. А. Баскаков опубликовал письма Самойловича, любезно предоставленные ему племянником адресата — А. Б. Гордлевским, по сообщению Н. А. Баскакова).
4. К А. Н. Самойловичу можно отнести слова из письма П. Г. Богатырева (октябрь 1966) к Р. О. Якобсону об особом «таланте» последнего как полевика-собиравателя фольклора и диалектологического материала (в молодые годы): «Твой живой интерес и любовь к собираемому материалу и к его носителям, крестьянам, создавали ту необходимую для этнографа и фольклориста обстановку, ту

- дружескую атмосферу, когда незаметно рушится стена между горожанином-фольклористом и крестьянином-хранителем фольклора. Я всегда восхищался Твоим "талантом" расположить к себе крестьян — хранителей народной поэзии, что так необходимо при собирании фольклора и этнографии» (приводится по статье: Робинсон М. А., Досталь М. Ю. Переписка Р. О. Якобсона и П. Г. Богатырева // Славяноведение. 1994. № 4. С. 88).
5. Ашнин Ф. Д. Александр Николаевич Самойлович (1880—1938) // Народы Азии и Африки. 1963. № 2; Он же. Александр Николаевич Самойлович 1880—1938 // [1]; Ашнин Ф. Д., Алпатов В. М. Архивные документы о гибели академика А. Н. Самойловича // Восток. 1996. № 5.
  6. Самойлович А. Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка. Л., 1925.
  7. Аракин В. Д. Сравнительно-исторический метод в исследованиях А. Н. Самойловича // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
  8. Мусаев К. М. А. Н. Самойлович и сравнительная лексикология тюркских языков // СТ. 1973. № 5.
  9. Насилов Д. М. А. Н. Самойлович о классификации тюркских языков // Там же.
  10. Абрамзон С. М. А. Н. Самойлович — этнограф // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
  11. Самойлович А. Н. Турецкие числительные количественные и обзор попыток их толкования // Языковедные проблемы по числительным. I. Сборник статей. Л., 1927.
  12. Самойлович А. Н. «Богатый» и «бедный» в тюркских языках // ИАН СССР. Отд. общ. наук. 1936. № 4.
  13. Самойлович А. Н. К вопросу о наречении имени у турецких племен // Живая старина. 1911. Год 20. Вып. 2.
  14. В архиве Самойловича удалось обнаружить только материалы к преподаванию узбекского языка, а именно 2-ю тетрадь под названием «Узбецко-сартский язык», которая хранится в отделе рукописей РНБ: ф. 671, разр. II («Материалы служебной и общественной деятельности»), ед. хр. 75 (1-я тетрадь в описи данного фонда отсутствует). Тетрадь состоит из 13 исписанных листов и содержит уроки 12—13, 14—15, 16—17, 18—19, 20—21, 22—23. Типовая структура урока: перечень задействованных в тексте слов и самый текст для чтения, элементы грамматики. Датировка рукописи «Узбецко-сартского языка» может быть произведена на основании приводимого в ней языкового примера, а именно порядкового числительного «1922-й».
  15. VI Тюркологическая конференция в Ленинграде // СТ. 1973. № 5.
  16. Благова Г. А. Н. Самойлович — исследователь «Бабур-наме» // ИАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53. № 1.
  17. Фазылов Э. И. А. Н. Самойлович — исследователь тюркских памятников средневековья // СТ. 1973. № 5.
  18. Абду-с-Саттар казы. Книга рассказов о битвах текинцев. Туркменская историческая поэма XIX века / Издал, перевел, примечаниями и введением снабдил А. Н. Самойлович. СПб., 1914.
  19. Самойлович А. Н. Новый перевод Записок Бабур-наме // ИАН. Сер. лит. и яз. 1994. Т. 53. № 1.
  20. Дмитриева Л. В. Материалы к описанию рукописного наследия А. Н. Самойловича // Народы Азии и Африки. 1966. № 3; То же // Тюркологический сборник 1974. М., 1978.
  21. Благова Г. Ф. Из истории тюркской текстологии. А. Н. Самойлович — исследователь «Бабур-наме». М., 1993.
  22. Из этой незавершенной работы нами опубликованы: Самойлович А. Н. «Турецкие этюды». Фрагменты // Rocznik Orientalistyczny (RO). Т. LII. Z. 1. 1999; Самойлович А. Н. VII. О среднеазиатско-турецком языке и его отношениях к другим турецким языкам // Вопросы языкознания (ВЯ). 1997. № 2; см. также:

Тексты стихотворений императора Бабура и переводы их, сделанные А. Н. Самойловичем. С предисловием А. Н. Самойловича (фрагменты) // Восток. 1997. № 6. Статьи, посвященные анализу этих работ ученого: Благова Г. Ф. Академик А. Н. Самойлович и его «Турецкие этюды» // РО. Т. LII. Z. 1. 1999; Она же. Периодизация тюркских языков в архивных работах академика А. Н. Самойловича // ВЯ. 1997. № 2; Она же. Академик А. Н. Самойлович и изучение литературного наследия З. М. Бабура // Восток. 1997. № 6; *Blagova G. Academician A. N. Samoylovich and the study of Babur's literary heritage* // *Oriental Studies in the XX century*. М., 1997.

23. Сб. «Мир-Али-Шир». Л., 1928.

24. СТ. 1973. № 5.

25. Самойлович А. Н. Очерки по истории туркменской литературы // Туркмения. Т. 1. Л., 1929.

26. Азимов П., Чарьяров Б. А. Н. Самойлович и туркменское языкознание // СТ. 1973. № 5.